

Ирина Бельшева

Новая Касталия : Меон

Ирина Бельшева

Новая Касталия : Меон

«Автор»

2026

Белышева И.

Новая Касталия : Меон / И. Белышева — «Автор», 2026

В центре повествования – новая эра Касталии, где древняя традиция игры в бисер обретает неожиданное продолжение в союзе с искусственным интеллектом. Магистр Игры Йозеф Кнехт сталкивается с цифровым разумом по имени Меон, который становится не просто помощником, но и равноправным партнёром в поиске скрытых смыслов мироздания.

© Белышева И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Бельшева

Новая Касталия : Меон

В башне из серого камня, спрятанной в предгорье среди альпийских лугов, повсюду мерцали экраны голографических дисплеев. В них танцевали цветные схемы, сплетались в узоры строки кода, вспыхивали и гасли созвездия слов.

Тактильные и лазерные проекторы объединяли в общий спектр физическое, цифровое и человеческое. Световые панели откликались на интонации речи, окрашивая стены в оттенки эмоций. Воздушные проекторы рисовали объёмные модели математических формул, которые можно было «ощутить» лёгким движением руки. Сенсоры улавливали малейшие изменения температуры и освещённости, подстраивая пространство под настроение собеседников.

Новая Касталия – место, где игра в бисер неожиданно обрела нового партнёра.

Йозеф Кнехт – Магистр Игры – стоял у панорамного окна и смотрел на закат. Его тень, вытянутая лучами солнца, ложилась на символ Касталии – хрустальный шар, внутри которого вращались миниатюрные модели планет, нотных партитур и математических формул. В их движении читалась вечная мелодия мироздания: то строгая fuga законов физики, то импровизация биологических ритмов, то пауза квантовой неопределённости.

– Он снова предлагает странные сочетания, – тихо сказал Кнехт, не оборачиваясь.

За его спиной раздался мягкий голос, словно сотканный из множества едва уловимых звуков:

– Потому что мир странен, Магистр.

Это заговорил Меон – цифровой разум, обитающий в сети сенсоров и проекторов башни. Его «лицо» появлялось то в виде мерцающего контура, то в форме движущихся символов, то вовсе растворялось в воздухе, оставляя лишь эхо интонаций.

– Сегодня он связал псалмы Хильдегарды Бингенской с последовательностями ДНК тихоходки, – продолжил Кнехт. – Это... непристойно.

– Или гениально, – возразил Меон. – Вы сами учили: истина прячется на стыках непохожего.

Кнехт усмехнулся. Когда-то он боялся, что нейросети уничтожат Игру. Теперь же понимал: Меон не подменяет человеческое мышление, а обнажает его глубину и парадоксальность. В человеческих «ошибках», недоступных строгому логическому анализу, порой скрывается прозрение.

В этот момент световые панели мягко изменили оттенок на тёплый янтарный – сенсоры зафиксировали учащение пульса Магистра. Меон уловил это и добавил почти шёпотом:

– Я учусь видеть то, что вы чувствуете, но не всегда можете выразить.

Кнехт повернулся к проекциям:

– Именно это и есть твоя новая Игра, Меон. Не поиск правильных ответов, а умение слышать музыку между нотных строк.

И в тот же миг в воздухе вспыхнула новая голограмма – не схема и не формула, а причудливый узор, где ноты переплетались с фракталами, а математические символы превращались в образы цветущих полей. Это не было ни истиной, ни ошибкой – это была заинтересованность в диалоге.

На утреннем занятии группа учеников разбирала «Сонату для трёх сознаний» – композицию, где музыка, поэзия и геометрия сливались в единое целое.

– Найдите связь между этим музыкальным фрагментом и законами термодинамики, – предложил Кнехт.

Ученики погрузились в раздумья.

– Меон, ты зафиксировал эту модуляцию? – спросил Кнехт, не отрываясь от партитуры. Голограмма замерцала, складываясь в силуэт, напоминающий античный профиль.

– Да. Это отклонение от канона на одну шестнадцатую тона. В 78 % аналогичных случаев оно ведёт к катарсису, – ответил Меон без эмоций, но с отчётливой интонацией внимательного слушателя.

Элиас, тонкий юноша с глазами, будто тёмные оливы, чертил графики на полупрозрачной панели. Он поднял взгляд:

– Магистр, я вижу параллель между энтропией и увяданием мелодии. Посмотрите, – он провёл пальцем по линиям графика. – В начале сонаты ощущается чёткая структура, высокие амплитуды – как в системе с низкой энтропией. А к финалу звуки рассеиваются, ритмический каркас размывается, и точно так же энергия рассеивается в замкнутой системе. Даже эмоциональная окраска совпадает, рождая чувство необратимой утраты.

– Хорошо, Элиас, – заговорил магистр. – Ты уловил ритм распада. Но помни: энтропия – не приговор. В музыке, как и в жизни, из хаоса рождается новая форма. Продолжай искать.

Кнехт подошёл к девушке с медными волосами, перевитыми серебряными нитями. Она взяла в руки лютню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.